

«МНЕ НРАВЯТСЯ СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ...»

На вопросы «Смены» отвечает писатель **Максуд Ибрагимбеков**

БРАТЯ Ибрагимбековы живут в Баку, а их книги читает вся страна. И смотрят люди спектакли, поставленные по их пьесам, и радуются фильмам, снятым по их сценариям... Прилетев в город у Каспия, я надеялся побеседовать с обоими, однако младшего, Рустама, дома не оказалось. Гостя из Ленинграда с восточным радушием принимал старший, Максуд...

— Перечитывая недавно сборник ваших повестей, невольно подумал, что главную тему писателя Максуда Ибрагимбекова можно было бы, пожалуй, определить так: духовность молодого человека. Согласны, Максуд Мамедович, с таким предположением?
— Действительно, проблема духовности, а вернее — бездуховности некоторых молодых людей сейчас для нас, пожалуй, является первостепенной. Ведь сплошь и рядом можно встретить юношу, который и образован, и хорошо одет, и благодаря телевидению прекрасно обо всем осведомлен — в общем, внешне вроде бы налицо все атрибуты культурного человека. Но если проанализировать, чего он хочет, если попытаться определить круг его интересов, то (не хочу клеветать на всех) картина порой получается унылая...
— И в то же время вы постоянно ищите совсем другие характеры. Рассказывая, например, о детях, вы радуетесь непосредственности юного героя, подвижности молодой души, умения удивиться пустяку, задуматься над ним... Невольно вспоминаю юного Таира из повести «За все хорошее — смерть»: какая в этом вроде бы физически слабом мальчике сила духа, какая самоотверженность!
— Мне очень важно, чтобы читатель ощутил его духовность, интеллигентность (хотя, наверное, кому-то такое слово в отношении ребенка может

показаться странным). Что же определяет эту интеллигентность? Таир молчаливо признает свою телесную слабость, терпеливо сносит пренебрежительное отношение сверстников. Спасая голодных друзей от неминуемого отравления, он выбрасывает испорченные рыбные консервы и, когда вслед за этим наступает жестокая, несправедливая расправа, испытывает по отношению к обидчику не ненависть, а недоумение и даже жалость. Вот и получается, что интеллигентность Таира заключена вовсе не в мягкотелости, а в щедро отпущенной способности к пониманию, в терпимости... Нравственная твердость этого маленького человека намного выше грубой силы его сверстников — не случайно именно Таир оказался способным вывести ребят из подземелья...
— Да, внешне слабый мальчик, по сути, совершает подвиг. Ваш юный герой лишний раз подтверждает своими поступками справедливость истины о том, что время подвигов отнюдь не миновало. Между тем, многие его сверстники сетуют на то, что родились слишком поздно, что лишь на фронтах гражданской или Великой Отечественной войны можно было ярко проявить свой характер...
— Думаю, что нынешним молодым удивительно повезло: они живут в самое интересное за всю историю человечества время. Огромное количество событий, которые происходят каждый год, каждый месяц,

каждый день, делают нашу эпоху уникальной. Мир бурлит — и, естественно, человек в этот процесс вовлекается... Убежден, что даже наши потомки будут жить в менее интересное время.
— Хорошо: эпоха — уникальна, а насколько ей отвечают нынешние молодые? Зачастую некоторые представители другого, старшего, поколения готовы обвинить семнадцатилетних во всех грехах. Допустим, в том, что поют «не те» песни, танцуют «не те» танцы... Кстати, вам ведь тоже за сорок, и вы, наверное, тоже скучаете по старым танго!
— Скучаю. Достая старую пластинку, ставлю на проигрыватель... Но мне также нужны и Градский, и Битлы, и современные группы — в общем, получаю удовольствие и от Бетховена, и от Пендерезкого... Причем если бы даже

чтобы духовность становилась неукоснительным свойством человеческой природы, особенно если речь идет о тех, кто только еще вступает в жизнь...
— Вспоминаю Джалила-муаллима из повести «И не было лучшего брата», чей непростой характер вы исследовали столь скрупулезно. Ведь вроде бы чистый, порядочный человек, а между тем, сколько беды приносит окружающим...
— Да, не подлец. Наоборот — абсолютно искренне желает добра всем и при этом начинает всем «стричь уши», потому что ему кажется, что уши должны быть «квадратными». То же, кстати, лидер — вот в чем опасность! И самое страшное: у Джалила обязательно появляются единомышленники, даже среди тех, кому он эти самые «уши» постриг.
— Вы знали такого в жизни?
— Увы, и не одного. Эти

— Вспомните, пожалуйста, когда впервые ощутили тягу к писательскому ремеслу...
— Не помню, когда это почувствовал, но мне кажется, что все возникло от любви к чтению. Более того, я вообще убежден: человек, который понимает, какое это громадное счастье — хорошая книга, рано или поздно осознает, какое счастье — самому что-то сделать в этой области, как-то высказаться о жизни. Да, человек, не любивший настоящего чтения, писателем быть не может — в этом, как мне кажется, весь секрет.
— Каким же книгам, прочитанным в ту давнюю пору, обязаны вы этой любовью?
— Мне нравились авторы, совершенно не похожие друг на друга: и братья Гримм, и Чукковский, и Дрюма, и Диккенс... Эти книги остались любимыми до сих пор. Однако, когда, случается, их перечитываю, зачастую, увы, напоминаю сам себе человека, который, съев вкусный пирог, начинает вдруг выяснять: каким было тесто, какой — начинка... То есть многое идет уже «от ума», а не от сердца...
— Интересно, как возникает сюжет той или иной повести? Были ли у вас в жизни уже готовые примеры или даже сюжеты?
— Примеры — были, но не сюжеты... Лет десять назад в одной горной северокавказской деревушке я вдруг увидел новенький «мерседес». Причем автомобиль хоть и новый, но собран он был еще в середине тридцатых годов, на одном из заводов фашистской Германии. Оказывается, машину вместе с разным оружием нашли местные ребятишки в бункере, оставшемся с войны. Так «мерседес» дал толчок для повести «За все хорошее — смерть». А вообще-то сам не могу понять, как эти сюжеты возникают, да и стараюсь поменьше рассуждать о писательском ремесле — может, потому, что учился не на филфаке, а — совсем наоборот — в политехническом, и мне гораздо легче рассказать вам, как построить дом, нежели — как выстроить сюжет...
— Вы в прошлом — строитель, брат — физик: это что, фамильная черта — резко менять жизненный выбор?
— Мне кажется: если почувствовал внутренний зов, надо ему подчиниться. Иначе жить нельзя.
— Вы старше Рустама на четыре года и, вероятно, были для брата лидером?
— Ну, конечно! (Смеется). Физически же был сильнее... А вообще-то у нас все происходило поэтапно: я поступил в технический вуз — он поступил в технический вуз, я был чемпионом по боксу — он был чемпионом по боксу — он занимался греблей на каное — он занимался греблей на каное, я стал писать — он стал писать, я пошел в кинематограф — он пошел в кинематограф, теперь — секретарь Союза кинематографистов Азербайджана...
— По-моему, вместе вы написали совсем немного!
— Да, лишь пьесу «Кто придет в полночь?» и либретто балета «Тысяча и одна ночь».
— Способны «дарить» друг другу сюжеты!

— Ни я, ни Рустам просто не приняли бы такого подарка.
— Замечали за собой чувство ревности к брату, если у него — успех!
— Какая ревность: я Рустама люблю больше жизни! Обязательно посмотрите его новую картину «Перед закрытой дверью» — эта вещь много сильнее, чем «Допрос»...
— Хотелось бы заглянуть в вашу творческую лабораторию. Например, ведете записные книжки!
— Веду. Заношу туда разные наблюдения, но почему-то, когда начинаю работать, чаще всего этих записей не нахожу. Однако пропаже не огорчаюсь, ибо давно уже убедился в том, что главное в памяти сохраняется и так.
— Вы «сова» или «жаворонок»!
— Типичнейшая «сова»: лучше всего мне работает с половиной третьего ночи...
— Что пишется труднее — повесть, пьеса, сценарий!
— Со сценариями и пьесами, пожалуй, легче. Зато из двенадцати страниц прозы в результате получается одна — такой вот отход...
— Принимаете участие в постановке своих фильмов!
— Очень редко — лишь тогда, когда режиссер хочет со мной посоветоваться. Сам же соваться с советами после того, как доверил человеку сценарий, считаю неэтичным.
— Какие же из «своих» кинолент принесли наибольшее удовлетворение!
— «В один прекрасный день», «Кто поедет в Трусковец» и «Пусть он останется с нами»...
— А из театральных постановок!
— Лишь две принял сразу и целиком: «Мезозойскую историю» в Малом театре и «За все хорошее — смерть», отлично осуществленную в Ленинградском ТЮЗе Зиновием Корогодским... Кстати, в городе на Неве у меня много хороших друзей, особенно — среди кинематографистов: Илья Авербах, Юрий Клепиков, Владимир Григорьев, Фрижетта Гукасян...

● ВЫБИРАЕМ СОБЕСЕДНИКА

современные ритмы мне категорически не нравились, никогда бы не путал такие понятия, как духовность, бездуховность и музыкальные вкусы, ибо это вещи разные, параллельные.
— Что же вас прежде всего привлекает в людях?
— Мне нравятся сильные люди, способные быть лидерами. Кстати, лидерство, по моему глубокому убеждению, — свойство прежде всего биологическое: человек может быть, что называется, семи пядей во лбу, но если он лишен таланта быть лидером, то не станет им никогда. И, мне думается, очень важно, чтобы духовный уровень лидера всякий раз оказывался достаточно высоким, в противном случае — жди плачевного результата... Вспоминаю историю одного человека. Родился и вырос он в селе. Приехал в Баку, поступил в институт. Учился хорошо. Получив диплом, остался в том же вузе. Со временем защитил диссертацию, возглавил кафедру... Но поскольку его знания, как оказалось, носили фактически характер формальный, поскольку духовно он воспитан не был, то смотрел на кафедру, как на «собственный огород». И однажды попался на взятках... Если уж наш разговор невольно коснулся этой больной темы, добавлю: никто не сможет искоренить взятки в институтах, если люди, которым принадлежит там власть, педагоги, не будут духовно чисты... Таинственное зерно духовности! Мы должны внимательно следить за тем,

люди лишены способности сопереживать и понимать. А есть еще худший вариант: те, кто не хочет понять, — настолько уверены в своей непогрешимости...
— Чувствуется, Максуд Мамедович: за тем, что вы пишете, стоит личная жизнь. Не просто житейский опыт, а какие-то совершенно конкретные ситуации из собственной биографии: конкретные люди, встречи, конфликты... Это ощущение справедливо!
— И да, и нет. Потому что, конечно, личный опыт творческого человека в его «продукции» присутствует обязательно, но — в слишком уж видоизмененном варианте. Я бы сравнил это соотношение с явью и снами. Да, творчество, без сомнения, оперирует теми конкретными знаниями, встречами, конфликтами, которые накопил человек, и, тем не менее, по какому-то складу мышления все это здорово видоизменяется...
— Наверное, прежде всего вам, как писателю, напоминает о себе военное детство?
— Пожалуй, так. Хотя мне кажется неверным, когда говорят отдельно о детстве, отдельно — о юности, отдельно — о зрелости. Так бывает у стрекоз или лягушек: стадия личинки, стадия головастика... А у человека — все едино. И уж коли ребенок получает добро и ласку, то это неминуемо превращается в его капитал и потом, спустя годы, приносит результат. Даром не проходит ничто.

люди лишены способности сопереживать и понимать. А есть еще худший вариант: те, кто не хочет понять, — настолько уверены в своей непогрешимости...
— Чувствуется, Максуд Мамедович: за тем, что вы пишете, стоит личная жизнь. Не просто житейский опыт, а какие-то совершенно конкретные ситуации из собственной биографии: конкретные люди, встречи, конфликты... Это ощущение справедливо!
— И да, и нет. Потому что, конечно, личный опыт творческого человека в его «продукции» присутствует обязательно, но — в слишком уж видоизмененном варианте. Я бы сравнил это соотношение с явью и снами. Да, творчество, без сомнения, оперирует теми конкретными знаниями, встречами, конфликтами, которые накопил человек, и, тем не менее, по какому-то складу мышления все это здорово видоизменяется...
— Наверное, прежде всего вам, как писателю, напоминает о себе военное детство?
— Пожалуй, так. Хотя мне кажется неверным, когда говорят отдельно о детстве, отдельно — о юности, отдельно — о зрелости. Так бывает у стрекоз или лягушек: стадия личинки, стадия головастика... А у человека — все едино. И уж коли ребенок получает добро и ласку, то это неминуемо превращается в его капитал и потом, спустя годы, приносит результат. Даром не проходит ничто.

Беседу вел **Л. СИДОРОВСКИЙ**, спец. корр. «Смены»
Фото автора
Баку — Ленинград